Ксения Драгунская

Интернациональная дружба

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Когда я была маленькая, в школе я была членом КИДа.

Это сейчас люди из разных стран спокойно дружат, переписываются и ездят друг к другу в гости.

Раньше с этим было сложно. То есть все тоже друг с другом дружили, но как-то на расстоянии.

Зато в каждой школе непременно был Клуб интернациональной дружбы. Сокращенно – КИД…»

- Ксения Драгунская
  - ○

Ксения Драгунская
Интернациональная дружба

Когда я была маленькая, в школе я была членом КИДа.

Это сейчас люди из разных стран спокойно дружат, переписываются и ездят друг к другу в гости.

Раньше с этим было сложно. То есть все тоже друг с другом дружили, но как-то на расстоянии.

Зато в каждой школе непременно был Клуб интернациональной дружбы. Сокращенно – КИД.

И вот однажды президент этого самого КИДа Дима Халангот объявляет:

– После шестого урока заседание, надо обсудить важные вопросы и задачи.

Лукьянову неохота оставаться после уроков, и он говорит:

– Я и так со всеми интернационально дружу. У нас в коммуналке Саитовы – татары, Цогоевы – осетины, и дядя Жора еще, который в будке обувь чистит, он этот, как его, забыл… Древняя нация.

(Лукьянов жил в маленьком старом доме рядом с Центральным рынком. Теперь вместо этого дома – метро «Цветной бульвар»).

– Не умничай, – строго сказала Саломатина из десятого «А». – Саитовы, Цогоевы и дядя Жора – наш советский народ. Ничего с ними не случится, у них и так все хорошо. А вот везде, во всем мире, негров угнетают расисты и капиталисты. И мы как члены клуба интернациональной дружбы должны им помогать.

Наша школа находилась на Самотеке во дворах. Она и сейчас там стоит.

А рядом с нашей школой, ближе к Садовому, был дом, где жили работники иностранных посольств и фирм. И негры в том числе. И вот негры действительно были какие-то очень грустные, в меховых шапках. Даже не в настоящих меховых, а в каких-то таких, из того же материала, из какого мягкие игрушки делают. Когда из-под такой ушанки, из меха мягких игрушек негритянская физиономия виднеется – ну очень грустно выглядит.

Мы даже это обсуждали как-то с одноклассниками:

– Холодно в Москве, темнеет зимой рано, с бананами то и дело перебои.

– Зато никакой капиталист не достанет, а у нас в Советском

Союзе неграм ото всех почет и уважение.

– Все равно. Вернутся на свои родины и опять будут угнетаемые. Вот они и грустят.

После шестого урока мы собрались на заседание КИДа и стали думать, как помочь бедным, несчастным неграм. Лукьянов говорит:

– Давайте пригласим к себе немного угнетаемых негров из настоящей Африки. Поживут, отдохнут. Мы их в Кремль сводим. А они потом нас в Африку пригласят. Здорово же!

– Это сложно, – решила Саломатина.

– Тогда давайте им что-нибудь пошлем. Матрешку, малиновое варенье. Затеем переписку, подружимся.

(Это я сказала, потому что приглашать к себе угнетаемых негров мне не очень хотелось, да и мама не разрешит, а письмо и посылка с гостинцами – как раз то, что нужно. Вроде мы о вас помним, все хорошо, рот-фронт, дружба-френдшип).

Халангот говорит:

– Это долго. Еще потеряется посылка, да и варенье в дороге прольется. Давайте лучше устроим торжественную линейку и прочитаем стихи про мир и дружбу.

– Да, точно, – обрадовалась Саломатина. – Линейку солидарности! В общем, от каждого класса надо выбрать по одному человеку со стихотворением, и все – в пятницу читаем. Не забудьте надеть парадную пионерскую форму.

– Глупость какая! – сказала моя мама, когда я стала собираться на линейку дружбы и солидарности. – Ничего себе дружба – людям плохо, у них болезни, голод, война, а их так называемые друзья собираются и читают стихи. Вот представь себе – ты заболела, у тебя температура, болит горло, а мы с Дениской, вместо того чтобы пойти в аптеку или вызвать врача, встанем рядом и начнем стихи декламировать с выражением…

Честно говоря, я тоже никак не могла понять, почему от чтения стихов в актовом зале неграм в далекой Африке должно стать лучше. Но все-таки в пятницу утром вся школа, с первых классов по десятые, надела парадную пионерскую форму и выстроилась в актовом зале читать стихи.

– За мир без войн идет движенье, и заменить повсюду нужно оружие уничтоженья – уничтожением оружья!

Или вот это, мое любимое, про то, какие американцы плохие, а мы – хорошие:

– Они готовят новую войну, и бомбой атомной грозят они народам, а мы растем спокойно в вышину, под нашим тихим, мирным небосводом. Они пускают доллар в оборот затем, чтоб дать оружие убийцам, а мы свой рубль даем наоборот, чтобы

построить школы и больницы!

Я никогда не понимала, почему, чтобы построить школы и больницы, надо как-то «наоборот» давать рубль. Что такое – «рубль даем наоборот»? Рубль, что ли, наоборот? Это как? Другую какую-то деньгу, не рубль, а наоборот? Или все-таки рубль, но как-то вверх тормашками? А где у рубля тормашки вообще-то? Или – даем наоборот? В смысле, отнимаем? Непонятно…

Но до сих пор, когда я вспоминаю эти строчки, мне хочется смеяться и плакать одновременно. Хорошие, значит, стихи, душевные очень.

Прочитали мы стихи, нам похлопали, и мы пошли из школы домой.

И вот вы не поверите!

Идем мы такие по Большому Каретному, а навстречу – целая ватага негритосов в ушанках из меха мягких игрушек, и они все до одного совершенно не унылые – веселые такие, играют в снежки и смеются своими белыми-белыми зубами.

Подействовали, значит, стихи-то!